

Борьба за огонь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая СМЕРТЬ ОГНЯ

Племя уламов спасалось бегством в непроглядной темноте ужасной ночи. Обезумевшие от страданий люди не чувствовали боли, не замечали усталости. Огонь умер — и все меркло перед лицом этого страшного несчастья.

Со времен возникновения племени уламы хранили Огонь в трех ивовых плетенках, обмазанных глиной. Четыре женщины и два воина денно и нощно стерегли и кормили его.

В самые трудные и тяжелые для племени времена Огонь всегда получал пищу, которая поддерживала его жизнь. Надежно защищенный от ливней и ураганов, разливов и наводнений, он вместе с племенем перебирался через реки и болота, бледнея при свете дня и багровея с наступлением сумерек. Его могучая сила отгоняла от становища черного льва и желтого льва, пещерного медведя и серого медведя, тигра и леопарда и даже самого владыку саванны — мамонта. Его острые красные зубы защищали человека от огромного и враждебного мира.

А сколько радостей дарил Огонь людям! Он извлекал из мяса дразнящий запах, придавал крепость камням остриям деревянных копий и дротиков, раскалывал на куски обломки кремня. Близость его разливалась по телу сладостным теплом. Он согревал и ободрял сердца людей в холодные ветреные ночи, в чаще дремучего леса и в глубине сырых пещер, на нескончаемых просторах степей и саванн. Огонь был Отцом, хранителем, спасителем племени. И вместе с тем он был опаснее львов и мамонтов, когда, внезапно вырвавшись из плетенки, принимался пожирать степную траву или вековые деревья.

И вот Огонь уламов умер! Враги уничтожили две плетенки. В третьей во время стремительного бегства Огонь захирел и поблек. Он был так слаб, что не мог съесть даже крохотной сухой былинки; он трепетал и бился, словно раненный насмерть зверек. Потом он превратился в маленькую красную точку, которая с каждым порывом ветра делалась все меньше и меньше. А потом он исчез...

Осиротевшие уламы бежали сквозь осеннюю ночь. В черном небе не было ни одной звезды. Тяжелые тучи, казалось, задевали своими краями верхушки редких деревьев; болотные травы простирали к небу холодные, влажные стебли. Слышно было, как в темной воде шевелятся рептилии. Мужчины, женщины и дети, прислушиваясь к голосам вожаков, идущих впереди, пробирались в полной темноте через огромное болото по узкой полосе твердой земли. Тот, кто оступался, сразу уходил с головой в черную воду и исчезал в ней, не успев даже вскрикнуть. Три поколения уламов знали эту тропу, но, чтобы не сбиться с нее ночью, нужен был хотя бы свет звезд.

На рассвете беглецы достигли края болота и увидели перед собой саванну.

Холодный свет сочился сквозь тяжелые темные тучи на востоке. Ветер рябил ржавую поверхность болотных вод, жирных и вязких, как смола. Кое-где из воды, словно бородавки, торчали кочки. Меж стеблей кувшинок и стрелолиста копошились сонные гады. Цапля взмыла вверх и, покружившись над болотом, села на пепельно-серое в утреннем свете дерево.

Перед взорами уламов простиралась бесконечная саванна. Клубы рыжеватого тумана перекачивались по трепещущей от пронизывающего предрассветного ветерка траве. Последним усилием

воли люди рванулись вперед и, с трудом продравшись сквозь густые камыши, очутились наконец на твердой земле, среди высоких трав.

Лихорадочное возбуждение, поддерживавшее уламов во время долгого ночного бегства, разом покинуло их. Большинство мужчин в изнеможении повалилось на землю и мгновенно погрузилось в глубокий сон. Женщины сопротивлялись усталости более стойко, чем мужчины; те, которые потеряли во время бегства детей, выли от горя, словно волчицы; те же, чьи дети чудом уцелели, судорожно прижимали их к себе или в порыве безотчетной благодарности поднимали к низкому хмурому небу. Все пали духом, вспоминая о постигшем племя ужасном бедствии и предчувствуя тяжелые, полные горя и лишений дни.

Вождь племени, Фаум, воспользовался первыми проблесками дневного света, чтобы пересчитать своих соплеменников. Он вел счет с помощью пальцев и древесных веток. Каждая ветка была равна количеству пальцев на обеих руках. Осталось только четыре ветки воинов, более шести веток женщин, около трех веток детей и меньше одной ветки стариков.

Старый Гоун, умевший считать лучше всех людей племени, сказал, что уцелели только один мужчина из пяти, одна женщина из трех и один ребенок из целой ветки...

Только теперь уламы ощутили всю тяжесть обрушившегося на них несчастья. Они поняли, что жизни племени угрожает смертельная опасность, что с потерей Огня они снова беззащитны перед лицом грозных сил природы и отныне обречены влачить лишь жалкое существование.

Отчаяние овладело даже мужественным сердцем Фаума. Он не доверял больше своей громадной физической силе, своим мощным рукам и могучим мускулам. На его широком, заросшем жесткой щетиной лице, в желтых, как у леопарда, глазах отражалась смертельная усталость. Он угрюмо разглядывал раны, нанесенные ему вражескими дротиками и копьями, слизывая по временам кровь, все еще сочившуюся из глубокой царапины на левом предплечье.

Подобно всем побежденным, Фаум не переставал вспоминать ту минуту, когда победа стала клониться в его сторону. Уламы яростно бросились в бой; огромная палица Фаума без усталости крушила врагов. Еще миг, и уламы перебьют всех своих противников,

захватят в плен женщин, растопчут вражеский Огонь и будут по-прежнему охотиться в своей родной саванне, в изобилующих дичью девственных лесах...

Какой злой ветер пронесся над полем битвы? Почему уламы, внезапно охваченные ужасом, обратились в паническое бегство и кости их захрустели под палицами врагов, в то время как копья и дротики безжалостно пронзали тела бегущих и раздирали их в клочья? Как случилось, что враги ворвались в родное становище и убили священный Огонь?

Мрачные мысли сверлили темный мозг Фаума, приводя его в иступление и бессильную ярость. Он не хотел, не мог примириться со своим поражением, чувствуя в себе столько энергии, отваги и ненависти!

День вставал во всем своем блеске и могуществе. Лучи восходящего солнца пробивались сквозь плотную завесу облаков, и от первого их прикосновения закурились паром болото и саванна. Радость утра и свежее дыхание растений несли они с собой. Даже темная поверхность болота не казалась уже больше зловещей и коварной. Она то отсвечивала серебром среди ядовито-яркой зелени островков и кочек, то отливала малахитом и жемчугом, то словно покрывалась чешуйками слюды под дуновением ветерка. Сквозь пышные заросли тополей и ольхи до измученных людей доносился прохладный запах воды.

Солнечные лучи скользили по изменчивой глади и мимолетно озаряли то темно-зеленую массу водорослей, то желтый цветок кувшинки, то белую водяную лилию. В их зыбком свете вспыхивали поочередно то куст болотного молочая, то стебель стрелолиста или синего касатика, то островок желтых лютиков, то бархатистые лапки заячьей капусты, то круглые листья росянки, то непроходимые заросли камышей и лозняка, где гнездились водяные курочки, белоглазые нырки, изумрудные чибисы, проворные зуйки и грузные дрофы. Серые цапли высматривали добычу по берегам круглых заливчиков; стая журавлей, хлопая крыльями, с криком опустилась на каменистый мысок. Острозубая щука с громким всплеском врезалась в стайку линей, а последние стрекозы стремительно проносились над водой, словно вспышки зеленого света или искры лазурита.

Фаум с грустью взирал на оставшихся в живых уламов. Сбившиеся в тесную кучу люди были желтыми от болотной глины, зелеными от облепивших их тело водорослей, красными от крови, струившейся из ран. Одни лежали, свернувшись клубком, словно питоны; другие распластались на земле подобно гигантским ящерицам. От них несло лихорадочным жаром и запахом разлагающегося мяса. Некоторые метались и хрипели, борясь со смертью. Раны их почернели от запекшейся крови. Однако Фаум знал, что почти все раненые должны выжить. Самые слабые погибли на том берегу или утонули при переправе.

Вождь перевел взгляд со спящих на тех, кто не мог уснуть, потому что горечь поражения терзала их сильнее, чем усталость. Это были лучшие воины, цвет племени уламов. Их массивные головы с низким лбом и тяжелыми челюстями крепко сидели на широких плечах. Кожа была загорелой и обветренной, но не черной; коренастые торсы и мускулистые руки и ноги обросли густыми волосами. Остротой обоняния они могли соперничать с любым хищником. Суровый, порой свирепый взгляд больших, глубоко посаженных глаз смягчался и становился почти нежным лишь у маленьких детей и некоторых молодых девушек.

Люди каменного века, конечно, сильно отличались от нас по своему внешнему облику, но уже были настоящими людьми, в полном смысле этого слова. И они были молоды той великолепной молодостью, которая неведома теперь нам, их далеким потомкам, как непонятна современному человеку та несокрушимая энергия и упорство, с которыми первобытные люди отстаивали свое право на существование в жесточайшей повседневной борьбе с окружающим их враждебным миром.

Фаум воздел руки к восходящему солнцу и протяжно закричал: — Что станет с уламами без Огня? Как будут жить они в саванне и в лесу? Кто защитит их от ночного мрака и зимних холодов? Им придется есть сырое мясо и горькие корни трав! Они не смогут согреть свои озябшие тела, и концы их дротиков и копий будут мягкими, словно глина. Лев и махайрод, медведь и тигр, леопард и гиена будут пожирать их живьем в темные ночи! Кто вернет племени Огонь? Тот, кто сумеет это сделать, станет братом Фаума. Он будет получать три части на охоте и четыре части из

остальной добычи. Фаум отдаст ему в жены Гаммлу, дочь своей сестры! А если Фаум умрет, он станет вождем племени!

Нао, сын Леопарда, поднялся с места.

— Пусть мне дадут двух быстроногих воинов, — сказал он, — и я добуду для племени Огонь у сыновей Мамонта или у Пожирателей Людей, которые охотятся на берегах Двойной реки!

Фаум метнул на молодого воина недоброжелательный взгляд. Нао был самым рослым среди уламов, и плечи его становились шире с каждым годом. Не было у племени воина более ловкого и неутомимого в беге. Он поборол на состязании Му, сына Бизона, первого после Фаума силача племени. И Фаум опасался Нао. Он давал молодому воину самые опасные задания, подвергая его жизнь смертельному риску, и старался держать подальше от остальных уламов.

Нао тоже не любил вождя уламов. Но высокая, стройная, пышноволосяя Гаммла с загадочным взглядом больших зеленых глаз вызывала в нем трепет и смутный восторг. Он думал о ней то с нежностью, то с неистовой яростью. Много раз Нао подстерегал девушку в зарослях лозняка или в чаще леса. Стоя позади дерева, он то широко раскрывал объятия, чтобы нежно прижать ее к груди, то судорожно стискивал руки, борясь с желанием кинуться к ней, оглушить ударом палицы и бросить на землю, как делали это уламы с девушками враждебных племен. А между тем он совсем не желал Гаммле зла. Если бы она стала его женой, он никогда не обращался бы с ней грубо, потому что не любил видеть на лицах окружающих людей выражение страха, которое делает их чужими и враждебными.

Конечно, в другое время Фаум отнесся бы недоверчиво к словам Нао и нашел предлог, чтобы отделаться от молодого воина. Но горе укротило его гордость. Он подумал, что союз с сыном Леопарда может теперь оказаться для него выгодным; если же этого не произойдет, он всегда найдет способ избавиться от опасного соперника. И, повернувшись к юноше, вождь сказал:

— У Фаума только один язык! Если ты вернешь племени Огонь, ты получишь Гаммлу без всякого выкупа или обмена. Ты станешь сыном Фаума!

Подняв руку вверх, он говорил с расстановкой, холодно и выскомерно.

Закончив речь, Фаум сделал знак Гаммле.

Девушка приблизилась, трепеща, подняв на вождя свои прозрачные глаза, изменчивые, как быстротекущая речная вода.

Гаммла знала, что Нао часто подстерегает ее среди высоких трав и деревьев. Когда он появлялся перед ней с таким видом, будто готов кинуться на нее, девушка пугалась. Но в иные минуты его лицо не вызывало у нее неприязни. И теперь она одновременно желала и чтобы Нао погиб под ударами людоедов, и чтобы он вернул племени Огонь...

Тяжелая рука Фаума властно опустилась на плечо Гаммлы.

— Кто из дочерей человеческих сравнится с моей Гаммлой?! — воскликнул он гордо. — Она может унести на одном плече убитую лань, идти, не зная усталости, от утренней зари до захода солнца, переплывать озера и реки, стойко переносить голод и жажду. Кто умеет, как она, выделывать звериные шкуры? Она подарит своему мужу могучих сыновей! Если Нао сумеет добыть Огонь, он получит Гаммлу без всякого выкупа. Ему не придется отдавать за нее ни кремнёвых топоров, ни рогов зубра, ни медвежьих шкур, ни цветных раковин.

Агу, сын Зубра, самый волосатый среди уламров, внезапно выступил вперед.

— Агу тоже хочет завоевать Огонь, — сказал он низким, хриплым голосом. — Вместе со своими братьями он пойдет добывать его у врагов по ту сторону болота. Он либо погибнет под ударами топоров и палиц, либо вернет уламрам Огонь, без которого они слабее сайги и беззащитней оленя!

Все лицо Агу, казалось, состояло из огромного рта, окаймленного кровавой полосой толстых губ. Глаза горели зеленым огнем. Руки казались особенно длинными на коротком, коренастом туловище, а плечи — непомерно широкими. Весь облик Агу говорил о его чудовищной силе: звериной, свирепой, не знающей пощады.

Никто не знал, как велика эта сила. Агу никогда не мерился ею на состязаниях ни с Фаумом, ни с Му, ни с Нао. Но все знали, что тот, кто становился на его пути, неизменно терпел поражение. Счастлив был воин, отделавшийся одним увечьем; многие расстались с жизнью, и Агу присоединил их скальпы к своим прежним трофеям.

Агу жил в стороне от становища, вместе с двумя своими братьями, такими же волосатыми и свирепыми, как он сам, и с несколькими женщинами, забитыми и несчастными созданиями, обреченными на ужасающее рабское существование.

Даже среди суровых друг к другу и беспощадных ко всем остальным представителям человеческого рода уламов сыновья Зубра выделялись своей жестокостью и кровожадностью. Смутное недовольство ими росло среди племени — первая попытка людей объединиться перед лицом подобной опасности и общими силами противостоять ей.

Группа сторонников окружала Нао, которому многие соплеменники ставили в упрек его снисходительность к поверженным врагам и незлопамятность. Но эти же качества привлекали к могучему воину сердца тех, кого природа обделила ловкостью и физической силой.

Фаум ненавидел Агу не меньше, чем сына Леопарда, а боялся его еще больше. Союз трех косматых братьев казался ему непобедимым. Если один из них жаждал чьей-нибудь смерти, два других хотели того же. Тот, кто осмелился бы объявить Агу войну, должен был либо погибнуть, либо уничтожить всех трех братьев.

Фаум искал союза с сыновьями Зубра, но они всегда уклонялись от его заискиваний, полные глухого недоверия ко всем людям и неспособные поверить ни в слова, ни в поступки. Всякое проявление симпатии они воспринимали с подозрением и не признавали иного вида лести, кроме панического страха перед их звериной силой.

В глубине души Фаум был, пожалуй, так же недоверчив и безжалостен, как Агу и его братья, но он обладал несомненными качествами вождя: заботился о нуждах племени, был снисходителен к своим приверженцам, решителен, храбр, верен данному слову и по-своему справедлив и прям.

Фаум ответил с легким оттенком предупредительности в голосе:

— Если сын Зубра вернет Огонь уламам, он получит Гаммлу без выкупа и станет вторым вождем племени, которому все воины будут подчиняться во время моего отсутствия.

Агу слушал речь Фаума с грубым равнодушием, не отрывая жадного взгляда от лица Гаммлы. Его маленькие глазки вдрут сверкнули угрозой.

— Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра! — крикнул он хрипло. — Смерть тому, кто посмеет посягнуть на нее!

Эти слова возбудили гнев Нао. Он принял страшный вызов.

— Гаммла достанется тому, кто вернет племени Огонь! — провозгласил он звучным голосом.

— Сын Зубра вернет его!

Взгляды их скрестились, как хорошо отточенные топоры. До сегодняшнего дня у этих людей не было повода для вражды. Каждый знал о силе другого, но интересы их ни разу не сталкивались. Речь Фаума зажгла в груди у обоих чувство соперничества и ненависть друг к другу.

Агу, еще вчера даже не смотревший на Гаммлу, когда та боязливо пробежала мимо него при встрече, вздрогнул всем телом, слушая речь Фаума, восхвалявшего достоинства девушки. Страсть, слепая и неистовая, как все его желания и чувства, мгновенно вспыхнула в косматой груди Агу. С этой минуты он обрекал на смерть любого соперника.

Нао знал это. Он крепче сжал правой рукой топор и взял копье в левую руку. Услышав слова Нао, младшие братья Агу подошли и стали рядом с сыном Зубра, молчаливые и угрожающие.

Все три брата были поразительно похожи друг на друга: огненно-рыжие, волосатые, с крохотными, глубоко сидящими глазками, тусклыми, словно надкрылья жужелиц. Стремительность их была еще страшней, чем сила.

Косматые братья следили за каждым движением Нао, готовые в любую минуту ринуться на него. Но среди воинов поднялся глухой ропот. Даже те, кто всегда осуждал Нао за незлобивость, не хотели его гибели, особенно теперь, когда племя потеряло столько храбрых воинов и Нао обещал вернуть уламам Огонь. Все знали, что Нао изобретателен и хитроумен, неутомим в поисках и необычайно искусен в обращении с Огнем. Кроме того, многие верили в его удачливость.

Агу также обладал силой, хитростью и упорством в достижении поставленной цели. Племя могло только выиграть от того, что два лучших воина отправятся одновременно на поиски Огня.

В сильном возбуждении все вскочили на ноги. Приверженцы Нао сгрудились вокруг сына Леопарда и, поощряемые криками остальных уламов, приготовились защищать его от нападения косматых братьев.

Сын Зубра не знал страха, но осторожность не была чужда ему. Он решил отложить счеты с Нао до более благоприятной минуты.

Костлявый и долговязый Гоун, самый старый из уламов, выразил словами чувства, волновавшие всех людей племени.

— Разве уламы хотят своей гибели? — сказал он. — Неужели они забыли, сколько храбрых воинов погибло от руки врагов и в Большом болоте? Из каждых четырех мужчин остался только один! Все, кто в силах держать в руках топор и палицу, должны жить! Нао и Агу — сильнейшие среди охотников, которые преследуют зверя в лесу и в саванне. Если один из них умрет, племя потеряет больше, чем если бы погибло четверо других воинов. Дочь Болота будет женой того, кто вернет уламам Огонь! Такова воля племени!

— Да будет так! — сказали все воины.

И женщины, которых было вдвое больше, чем мужчин, и чья сила лишь немногим уступала мужской, подтвердили в один голос:

— Гамбла будет принадлежать похитителю Огня!

Агу презрительно пожал волосатыми плечами. Он не боялся ничего, но понимал, как опасно противостоять воле всего племени.

Уверенный в своем превосходстве над Нао, он решил сразиться с ним один на один и уничтожить ненавистного соперника.

Сделав знак младшим братьям, он повернулся и, тяжело ступая, удалился вместе с ними в заросли ивняка.

Глава вторая МАМОНТЫ И ЗУБРЫ

Это происходило на заре следующего дня.

Высоко в небе ветер гнал облака, но над самой землей и над болотом воздух стоял неподвижно, горячий, напоенный ароматом душистых трав. Небо было подобно гигантскому синему озеру. Дрожа и переливаясь, растекалась по этому озеру алая пена утренней зари.

Пробудившиеся уламы, повернув свои лица к пылающему небесному костру, чувствовали, как в их сердцах растет благоговейный восторг перед величественным зрелищем рождающегося дня. Это же чувство, должно быть, наполняло и грудь певчих пташек, славивших звонкими голосами восходящее солнце.

Раненые воины протяжно стонали и бредили; их томили жар и жажда.

Один из раненых ночью умер. Его окоченевшее тело неподвижно простерлось на траве. Старый Гоун что-то тихо бормотал над ним.

Фаум приказал бросить труп умершего в воду.

Когда печальный обряд был закончен, внимание всего племени обратилось на охотников за Огнем — Агу и Нао, — готовых тронуться в далекий путь.

Косматые братья вооружились палицами, топорами, рогатицами и дротиками с кремнёвыми и нефритовыми наконечниками. Нао, рассчитывая больше на хитрость, чем на силу, выбрал себе в спутники двух быстроногих юношей, ловких, сообразительных и неутомимых в беге. Каждый взял с собой топор, копье и дротики. Сын Леопарда сверх того захватил свою палицу — толстый дубовый сук, конец которого был умело обожжен на огне костра. Вооруженный этой палицей, он не боялся вступить в бой с самым страшным хищником.

Фаум обратился сначала к сыновьям Зубра.

— Агу увидел свет раньше, чем сын Леопарда, — сказал он. — Пусть он первым выбирает свой путь. Если Агу пойдет на юг, в сторону Двуречья, сын Леопарда отправится к Болотам, в сторону заходящего солнца. Если же сын Зубра предпочтет путь к Болотам, Нао направит свои стопы к Двойной реке.

— Агу еще не знает, куда он пойдет! — буркнул в ответ Косматый. — Он будет искать Огонь и может утром направиться к реке, а вечером — к Болотам. Разве может знать охотник, преследующий кабана, где ему удастся настичь зверя?

— Агу должен сказать, в какую сторону он пойдет, — возразил старый Гоун, и одобрительный ропот толпы поддержал его слова. — Он не может одновременно идти и к Двойной реке, и в сторону заходящего солнца. Пусть выбирает свой путь!

В глубине своей мрачной души сын Зубра сознавал, что требование племени справедливо. Кроме того, он не хотел прежде времени возбудить подозрения у Нао. Бросив угрюмый взгляд в сторону уламов, он проворчал:

— Агу пойдет в сторону заходящего солнца!

И, сделав знак братьям, он резко повернулся и решительно зашагал по направлению к Болотам.

Нао не сразу последовал его примеру. Ему хотелось еще раз повидать на прощание Гаммлу. Она стояла под раскидистым ясенем, позади Фаума, Гоуна и других старейшин племени.

Нао медленно приблизился к ней. Девушка не тронулась с места. Лицо ее было обращено к саванне, глаза смотрели не отрываясь

в бескрайнюю даль. Пышные волосы Гаммлы украшал голубоватый цветок водяной лилии. От всего существа ее словно исходило сияние утра и свежий запах речной воды и степных трав.

Сердце Нао бурно забилося. Он чувствовал, что задыхается от нежности и гнева. Все, кто разлучал его с Гаммлой, показались ему вдруг такими же ненавистными, как сыновья Мамонта или Пожиратели Людей.

Он поднял руку, вооруженную топором, и воскликнул:

— Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернется к своему племени, если не сумеет добыть Огонь! Он найдет смерть на дне пропасти, утонет в реке, станет добычей волков и гиен — или возвратится победителем. Он принесет Гаммле раковины, синие камни, зубы леопарда и рога зубра!

Девушка бросила на Нао взгляд, в котором светились робкая надежда и детская радость.

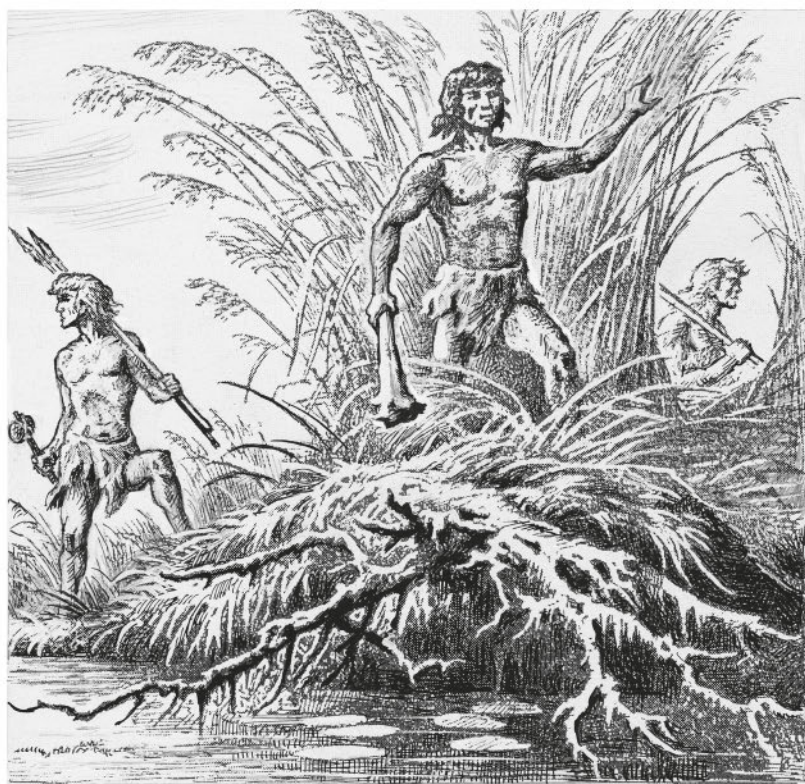
Но Фаум нетерпеливо оборвал речь Нао.

— Сыновья Зубра уже скрылись за тополями! — крикнул он. — Почему сын Леопарда медлит?

Нао круто повернулся, кликнул своих спутников и, не оглядываясь, направился к югу.

Весь день Нао, Нам и Гав шли по саванне. Трава на ней была еще зеленой, ветер перекачивал изумрудные волны, словно морские валы. Травы гнулись под ветром, солнце палило их, исторгая из растений бесчисленные ароматы, которыми был напоен горячий, сухой воздух. Однообразная на первый взгляд саванна таила в себе огромное разнообразие растений и животных. Плодородие ее было неистощимо. Среди необозримого моря злаков ютились островки дрока и вереска, виднелись кустики подорожника, зверобоя, шалфея, лютика, тысячелистника, кресса. Местами попадались участки каменистой бесплодной почвы, устоявшей против буйного натиска зеленых полчищ растений. За ними снова начинались заросли шиповника и мальв, красного клевера и васильков, осыпанные белыми цветами кусты боярышника.

Иногда монотонность равнины нарушали невысокий холм, ложбинка, пруд, кишачий насекомыми и пресмыкающимися. Одинокая скала высилась среди моря трав, словно мастодонт на пастбище. Стада антилоп и сайгаков проносились в отдалении, в траве прыгали длинноухие зайцы; порой из зарослей кустарников

показывались небольшие стаи волков и диких собак. Над саванной кружили вороны, журавли и дикие голуби, взлетали грузные дрофы и стремительные куропатки. По необозримому простору равнины скакали табуны диких лошадей и лосей. Степенно ступая, шли по краю горизонта громадные зубры. А однажды на пути уламов попался серый медведь, более свирепый, чем тигр, и не уступающий в силе самому пещерному льву.

Вечером Нао, Нам и Гав остановились на ночлег у подножия одинокого холма. Они не прошли за день и десятой доли пути. Всюду, куда хватало взора, простиралось нескончаемое море степных трав, слегка колеблемое ветром. В сумеречном свете угасающего дня саванна выглядела печальной и однообразной. Последние лучи заходящего солнца зажгли в вечерних облаках багровые костры.